

Йотунский мёд!

Ярким майским утром, купаясь в переливах ласкающих солнечных лучей, впервые соизволивших явиться в эту хмурую обитель северных морей и гор, шла по тропинке очаровательно белокурая Хельга Олафсон, решившая собрать первый за холодно-дождливую и выдавшуюся довольно туманной весну букетик ранних цветов на радость своему воинственному будущему супругу, к слову, далеко не последнему человеку, недавно перебравшемуся в Кёнунгстед. Жениха Хельга не видела вот уже три с половиной месяца — он, ведомо, постоянно пребывал в походах, битвах и сражениях, а на этот раз сподобился отправиться целой корабельной флотилией, состоявшей, в основном, из кнорров, но включавшей и несколько драккаров, дабы вести торговые дела с дикарями восточных земель.

Чтобы добраться до них, нужно было плыть по морю далеко на восток — и там, войдя в устье полноводной реки, спускаться на юг до тёплых и благодатных земель, питающих своих жителей всеми возможными благами и богатствами — и хлебом, и зверем диким, и древа на постройку целых городов дающих, да столько, что жители тех земель строили вдоль рек многочисленные села и поселения, остроги, деревушки и целые города с теремами, украшенными всяческой росписью и резьбой. В делах военных же и в том, что касается управления цельным государством, дикари те науки не ведали, а оттого в разных землях значился разный же уклад — были среди них и редкие те, кто грамоте тайной обучен был, подобно письмам руническим, но более всех и столь часто весьма встречались жители хоть и безграмотные, но хитромудрые в делах торговых. И оттого, что все их поселения были вдоль рек, торговать с ними было легко, приятно и выгодно — они с радостью обильно делились своими богатствами за руду и оружие, изготовленное искусными мастерами тех северных земель, откуда родом была Хельга. Богов же иных почитали, Одина-громовержца не ведали, а своего громовержца иначе величали.

Обо всём этом раздумывала девушка, вприпрыжку забираясь по горным тропам всё выше и выше в поисках весенних цветов. Прохладный бриз, дувший со стороны моря, приятно трепал её причёску, волосы спутывались, закрывая лицо, и Хельга их постоянно поправляла, любуясь открывшимися с невероятной высоты красотам родного края. С одной стороны ярко-зелёные лужайки спускались под резким наклоном к самой кайме солёных волн, бившихся о берег бирюзово-зеленоватыми язычками, точно стараясь сгладить своими внутренними ладонями каждую выпуклость на камнях основания гор. С другой стороны открывалось беспредельно обширное пространство, нисходящее в салатово-травянистую долину сочной зелени и ароматных цветов на несколько сотен метров где-то под Хельгой. Долина, уже в свою очередь, переходила в пики кряжистых гор, тянувшихся до самого горизонта — на сколько только способен был охватить взгляд светловолосого юного создания. А охватить он, надобно сказать, способен был с такой всеобъятной высоты на несколько десятков километров куда-то вдаль.

Наконец, вдоволь налюбовавшись залитым солнечным светом ландшафтом, девушка решила дойти до самой вершины горы, в ней проснулась

некая соревновательность с силами самой природы. Да и, благо, гора была не столь высока, чтобы её трудно было покорить без специальной подсобной утвари и снаряжения. Так, размышляя о своём желании достигать в этом мире всё новых и новых высот, как она покоряет высоту горы, по которой неторопливо идёт, Хельга отправилась дальше по тропинке, размахивая в разные стороны собранным букетом. Чем дальше она углублялась в лес, тем мрачнее становились окружающие её колонны древесных стволов и тем всё удивительнее и неожиданнее было для неё собственное желание идти дальше — действительно, какой смысл будет в том, если она вдруг сгинет в этом лесу, да и совершенно неизвестно, с какой стороны стоит ей ожидать опасности — обрыва ли, падения дерева или нападения медведя.

Однако же ей суждено было покорить вершину горы совершенно благополучно и без приключений. Она ожидала увидеть половину мира, простирающегося от моря до моря, лицезреть воочию искристые северные снега и жаркие пустыни за далёкими южными водами, а, возможно, и разглядеть на чужой стороне города и реки восточных варваров, с которыми её жених, наверное, торгует или, может быть, даже воюет. В том, что он справится с любой напастью и любым врагом, девушка даже не сомневалась, зато вот вид с вершины оказался удивительно недалёким — поросшая лесом верхушка горы не позволяла рассмотреть, собственно говоря, ничего, кроме этих самых деревьев. Но она и ведать не ведала, что пройдёт совсем немного времени, и она действительно воочию увидит всё то, что ей мечталось рассмотреть с горной вершины. Но — всему своё время, а об этом мы поведаем немного позже.

Зато на вершине было кое-что другое интересное - самое большое из деревьев росло как раз здесь и было толщиной никак не меньше сотни метров, уходя ввысь настолько, что самой верхушки этого дерева разглядеть никак было невозможно даже при всём желании. Девушка задрала голову вертикально вверх так, что её золотистые локоны почти касались самой земли, но не увидела окончания титанических хитросплетений сучковатых ветвей, листьев, морщинистой коры и птичьих гнёзд. Нижние ветви дерева были настолько велики, что расходились сверху целыми мостами, висящими притом выше самых старых из числа окружающих деревьев. Целый город можно было построить внутри этого дерева, а на ветвях разместить пару-тройку добротного вида деревень. От дерева веяло теплом, сыростью и вечной, непоколебимой мудростью, которая ощущается где-то на глубинном уровне, но никак не проявляется, да и не может быть проявлена на словах. А если говорить, как на духу, то от дерева веяло молчанием, тишиной и гармонией. Тишина, как тень, распространялась вокруг и гасила все звуки окружающей природы так, что аж уши закладывало, проявляя пульсацию кровотока в жилах внутри головы.

Внезапно тишину нарушило мерное и равномерное урчание. Хельга быстро огляделась и, справа от себя, среди раскидистых, расползающихся деревянными змеями корней, обнаружила сидящую рысь, пристально наблюдающую за девушкой. И всё бы ничего — на случай таких малоприятных и неожиданных встреч у Хельги всегда был заготовлен небольшой кинжальчик, выкованный лично её женихом, но этот случай был явно необычен — рысь была велика под стать дереву, имея размер крупного телёнка, уже почти

повзрослевшего в здоровенную коровищу.

Хельга от страха разве что не описалась — настолько глубоко провалилась её душа, надавив в процессе движения на то, на что бы не следовало давить. Однако дикий зверь и не думал нападать. Рысь удивительно сознательным и разумным взглядом осмотрела неожиданно замеченную странницу с ног до головы, махнула хвостом, потрясла кисточками на ушах, точно прогоняя невесть откуда проявившийся морок, и, видимо, окончательно убедившись в реальности существования Хельги, как-то странно и очень широко улыбнулась зубастым оскалом, а зубов у рыси оказалось гораздо больше, чем рысям положено иметь от природы.

Улыбнувшись, рысь вкрадчиво заговорила, что для потрясённой путницы было настолько невыносимо необычайным, что Хельга буквально повалилась с ног от удивления, так и сев на землю, вытаращив глаза и приоткрыв рот. Рысь же, тем временем, неторопливо молвила:

- Ты ведь не случайно сюда пришла, не правда ли? Это место кочует — и никогда нельзя знать, где оно окажется в следующий момент времени.

- Поверь, чудесное создание, я пришла сюда совершенно случайно. Мне было скучно, хотелось прогуляться среди деревьев и трав, пособирать букетик цветов, а потом уже я неожиданно решила просто дойти до вершины горы. Я никак не ожидала - да и не могла ожидать — встретить здесь нечто похожее! - девушка, наконец, обрела дар речи и выдала целую словесную тираду, через которую явственно сквозило бесконечное удивление от всего происходящего.

- Тем не менее, ты здесь. А в твоих словах самое ключевое слово — это слово «неожиданно». Ты ведь и сама не знаешь, что именно сподвигло тебя дойти до Древа, правда? Можешь считать, что это только твоё древо — для каждого человека оно имеет свой особый облик, хотя все его облики — лишь личины, а оно, на самом деле, одно-единственное, через которое прорастает разум всех людей, и через которое же они все способны достигнуть прозрения в видении тайн мироздания, да только вот действительно постигают или стремятся к этому очень и очень немногие.

- Но почему-то ведь это случилось со мной! И чем я, редко задумывающаяся о чём-то великом и возвышенном, удостоилась такой чести, тогда как многие мыслители и учёные мужи годами не могут выйти на эту тропинку? И что значит «это место кочует»? Ведь деревья не умеют ползать с места на место — сколько живу на свете, а такого не видела!

- Не столь уж ты много на свете живёшь, северянка. Я бы даже сказал, что мало, очень и очень мало. Наверное, по крайней мере, раз в тысячу тысяч меньше, чем довелось прожить мне. Да, деревья не ползают, и Древо - тоже не исключение. Оно и не ползает, это просто разные места проходят через его корни, которым числа не счесть. Корни его пронизывают всё пространство, они достигают даже самых отдалённых звёзд, которые ты, Хельга, так любишь рассматривать ночами. Удивляешься, что я знаю твоё имя? Ха, я ещё и не такое про тебя знаю. И про каждого человека из ныне живущих на Земле ведаю, Древо мне всё рассказывает про каждого из них, оно говорит без слов на сотнях языков — и на каждом из них я вынужден общаться в вами, возмнившими себя здесь владыками. Это особое место — место тебя самой. Для тебя Древо стало

таким потому, что такова ты изнутри — стойкая, волевая и неутомимая в уверенности и веселье. Для других людей их деревья выглядят по-разному, могут быть и совсем-совсем другими, для хилых духом — крючковатыми и согбенными, малого роста или вовсе без листьев.

Я бы сказал, что рад за тебя, что к тебе явилось Древо именно в таком обличье. Но не могу, ибо говорить здесь о проявлениях радости - это было бы с моей стороны прямой и наглой ложью. На самом деле мне всё равно — вы все, существа, обитающие на этой грани земель, пронеситесь предо мной мгновениями вспышек, целые поколения сменяют сотни других поколений, жизнь ваша меняется, но никто из вас ничего не значит для существования целого мира, а кто считал себя значимым и великим некогда, сейчас лежит где-нибудь в той зеленеющей долине под горой всеми позабытыми замшелыми костями. И куда исчезает всё их величие и горделивость? Какой отпечаток они несут для лучистого света ночных созвездий над головой? Что же до того, зачем ты здесь — кто знает, кто знает.. Ты пришла сюда потому, что должна была здесь появиться. Быть такое может, что ты сама стала собственным идеалом настолько, что Древо твоего разума призвало тебя встать на тропу, дабы ты вдрег сумела оказаться здесь. Впрочем, я лично в этом очень и очень сильно сомневаюсь — если бы каждая встречная-поперечная девка к восемнадцати годам жизни обретала полностью проявленный разум, то кто бы стал собирать цветочки, доить коров, драить домашнюю утварь и рожать новых потомков мухоморных берсерков? Так что, логически поразмыслив, должен сделать заключение - тебя вызвали. Кто именно — знают только те, кто именно тебя вызывал — я в таких вещах и ведать ничего не ведаю, да и вникать не собираюсь — не моё это дело. - с этими словами рысь потянулась всем телом, показав коготки, сладко зевнула и заурчала: «Уррррррр...Муррррррр...». Рысь же, что с неё взять!

- Ты столько всего сказал, но всё же мне не понятно, кто ты такой на самом деле, волшебный зверь? И почему веками сторожишь Древо? Да откуда оно вообще появилось? - Хельга, казалось, была в смятении и полнейшей растерянности, не зная, что можно препринять дальше.

- Я — страж Ёрмунганд. Существую столько, сколько существует Древо. На самом деле, я его голос и защита, мы неразделимы, и лишь ваш, человеческий разум, привыкший всегда всё разделять и размышлять обо всех вещах по отдельности, видит нас как два разных существа, тогда как мы, скорее уж, две разные стороны единой непоколебимости. Что же до Древа — то это целый мир, человеческое зеркало, проявившееся в такой форме, тогда как кроме бесформенного призрака, заставляющего каждое создание природы лицезреть что-то своё, здесь вообще ничего нет. В нём заключены умы всех людей и эти умы делают его Древом, придавая подходящую для понимания форму появившуюся тогда, когда у человека зародились самые ранние, самые первые зачатки разума.

Оттого я и не ухожу отсюда никуда — какой смысл куда-то идти, да и какая возможность, если это место само способно путешествовать куда угодно, при этом составляя самую цель, смысл и основу моего существования? Для большинства людей это Древо — яшень, я же выгляжу скорее птицей, старым,

чёрным мудрым вороном с пёрышками...мурррр, так бы и скушал, вот честное слово, хотя в самом истоке своего зарождения плавал на гребнях волн исполинским водным змеем, пока первоисток зачатков человеческого рассудка не обратил меня в создание сухопутное и навеки от Древа неотделимое, ибо проросло оно прямо из плоти моей и моей кости, будто бы болеем мы с Древом вашим, людским, разумом.

А как поправлюсь — так и исчезнет мир людей, и померкнет для вас Солнце в небе, проглоченное вашим же небытием в лице моей морды, и вообще настанет тогда всему полный Рагнарёк. Хм...замечательный зверёк! Я же в миг сей утраты человечества для мира назовусь Фенриром, обратившись в черную тень, выглядящую для вас галактическим волком, и Земля породит тогда новый рассудок и вступит на свой новый виток... - зверь аж мечтательно заулыбался и закатил очи долу, но быстро опомнился. - Что-то мы отвлеклись с тобой от основной темы нашего разговора. Конечно, никто и не утверждает, что мечтать вредно — отнюдь, да только история, которая начнётся и продолжится с Фенрира, к вам, людям, уже не будет иметь равным счётом никакого отношения, а поэтому из знать её вам ну вот ни на сколочку вовсе даже не обязательно!

Ты же, видать, чудесатая какая-то, и Древо для тебя — дуб, а я вот — жирный облезлый кошка с кисточками на ушах, как у белочки. А имя этому дубу-ясеню, данное людьми — Иггдрасиль, энергия же жизни, заключённая в нём, будет из века в век призывать всё новых и новых путников к себе.

- И что мне теперь делать со всем этим знанием? Да и вообще — что делать, могу я, наконец, отправиться домой?

- Просто знай, ты здесь не зря. Ты появилась с какой-то целью, хотя, вполне возможно, что это совсем даже не твоя цель, а чья-то ещё. Конечно, ты можешь прямо сейчас развернуться спиной к дереву и отправиться домой...Как ты думаешь — дойдёшь ли ты до дома? Я вот лично сомневаюсь. Точнее, нет, я вовсе не сомневаюсь! Я совершенно уверен в обратном — до дома ты не дойдёшь. Сейчас у тебя нет пути отсюда, а есть путь только сюда. И ты уже здесь. Поэтому, куда бы ты ни пошла, горные лесные тропинки будут долго плутать, петлять и извиваться верёвочками до тех пор, пока ты снова не выйдешь в обитель Иггдрасиля. Вполне вероятно, что тебе придётся вскарабкаться на самую верхушку дерева, как ты уже карабкалась на самую верхушку горы, а вот уж как именно ты это сделаешь — это только твоё собственное дело. А может, и вовсе не потребуется никуда карабкаться — понять, что именно нужно сделать, можешь только ты сама, ведь сама же дошла как-то сюда посредством двух нижних ног. Предлагаю тебе уткнуть руки в боки и обойти вокруг дерева, внимательно вглядываясь в каждый метр своего пути, как вниз, на землю, так и вверх — в неохватность придуманных твоим умом крон. Только тогда ты, возможно, даже не с первого раза, догадаешься, что же нужно сделать.

Хельга задумчиво двинулась вдоль кряжисто-морщинистой коры, которая в своих исполинских масштабах напоминала стекающую лаву огненных гор, курящихся где-то далеко к северу от её родимого города Кёнунгстеда. Каждый шаг она делала мягко, внимательно и осторожно — так, точно опасалась

наступить на змею или какую-нибудь крапиву, например.

Когда таким крайне небыстрым способом было пройдено уже порядка семи, а то и девяти десятков метров, под корнями раздалось тихое рычание и прямо под ноги Хельге метнулся маленький, кажется, не так уж давно покинувший родимую берлогу, медвежонок. Девушка быстро огляделась по сторонам — нет ли поблизости медведицы. Но всё было спокойно и тихо. Медвежонок радостно рычал и весело носился в разные стороны. Поскольку клан, откуда родом была Хельга, вёл свой род именно от медведя, то встретить такого помощника она посчитала отрядным событием. Она уж ожидала, было, что и этот малый зверь окажется говорящим, но он только знай себе резвился, сопел да порывивал потихоньку под чёрный кожистый нос. То ли мал ещё был, чтоб разговаривать — то ли просто медведь.

Наконец он, поблёскивая густой бурой блестящей и пушистой шерстью встрепенулся, точно птица, и невероятно шустро для таких размеров создания, побежал куда-то вперёд вокруг дерева. Хельга, торопясь и спотыкаясь, поспешила последовать за медвежонком, и вскоре он нырнул куда-то под корни. Путница ожидала увидеть что угодно — подкоп, гнездо-берлогу из корней и веток, яму, нору. Но только не то, что увидела. А увидела она ничего. Абсолютно и совершенно ничего не увидела. Пустое место возле корней. Не было там норы, но и не оказалось и медвежонка, точно он просто взял и растворился в воздухе, как ни бывало. Размышляя о том, мог ли этот малый хищный зверь ей померещиться или же действительно только что существовал, северянка встала на то пустое место, где пропал медвежонок — а что ей, по сути дела, ещё оставалось бы предпринять?

В этот самый момент всё пространство вокруг странным образом исказилось, точно земля и воздух поменялись местами — Хельга ощутила себя окружённой какой-то плотной субстанцией, точно поверхность под её ногами вывернулась наизнанку, заключив её тело в странный кокон, идеально повторявший все изгибы её формы. Ещё миг — и воздух вернулся на прежнее место, туда, где ему и положено находиться. Только вот ландшафт вокруг изменился, при этом неизменным и по-прежнему монументальным оставался только Иггдрасиль за спиной.

Окружающее пространство не могло не удивлять взор — исчезли горы, исчезли зеленеющие луга и покрытые духмяными цветами поляны, зато до самого горизонта теперь простиралась каменистая холмистая равнина, и ландшафт сей был сплошь покрыт блестящим и скользким льдом, игольчатым инеем и ослепительно отражающим лучи солнца радикально белым снегом, в который не примешивалось даже никакого едва заметного намёка на другой оттенок. Пронизывающий полярный ветер резко и больно впился лезвиями холода в лодыжки Хельги, и она, опасливо озираясь, принялась торопливо искать убежище, где бы можно было поскорее укрыться от мороза и невыносимого касания свежести — одета девушка была по-весеннему, а её лёгкое платье никак не соответствовало раскинувшимся в разные стороны сугробам, которым гораздо более по нраву и на порядок милее сердцу пришлись бы одеяния из ворсистых и мохнатых медвежьих шкур.

Вдали, в нескольких километрах впереди от Хельги, если присмотреться,

можно было заметить, как каменисто-инеистый равнинный пейзаж переходит в серо-голубые, как девичьи глаза, стывшие северные океанические воды. По поверхности вод медленно переплывали с места на место, точно продираясь через густую солёную морскую субстанцию, плоские сияющие льдины и остроконечные холмы айсбергов, а по льдинам столь же лениво вели своё существование тяжёлые кожистые туши гигантских клыкастых моржей. Путница в поисках убежища-пристанища обошла свой личный дуб вокруг против часовой стрелки, и, когда она была уже на противоположной стороне, то перед ней открылся ландшафт совсем другого рода, нежели ранее: на относительно небольшом отдалении прямо по курсу значилось и самовозвышалось в дымчато-туманное небо единственное здесь пристанище для путника, пусть мрачное и неприветливое на вид, но выглядевшее крайне надёжным, даже чрезмерно.

Это была крепость из чёрно-серого камня со стенами, уходившими на высоту птичьего полёта самых смелых чаек, альбатросов и буревестников. На верхушке крепостной стены тёмно мрачнели непривлекательного вида сыревшие в нижних слоях облаков квадраты гранитных бойниц, а в саму крепость можно было попасть только преодолев ров и высоченные дубовые ворота, потускневшие и потемневшие от десятков, если не сотен лет трескучих северных морозов и солёных морских ураганов, периодически надувавших откуда-то со стороны бесконечно тянувшейся каймы побережья, слизываемого росписью свежих кружевчиков волн, никогда не прекращавших свой неторопливый труд усердного ювелира для красот прибрежных пейзажей.

Едва кутаясь в тонкое платье, девушка, торопливо подпрыгивая, но уже не от радости, а от холода, побежала в сторону города. Каменный мост с деревянными вставками, переброшенный через застывший ров, к счастью, был спущен на толстенных ржавых цепях, никак не тоньше упитанного мамонта, которые, если ещё и встречались порою на заснеженных лесных полянах и под обрывами побережий, то всё реже и реже, а мореплаватели юга, периодически ходившие с больших континентальных земель на торговый обмен с народом Хельги, и вовсе почитали мамонтов существами мистическими, мифическими и относили все рассказы о встречах с этими грациозными животными к разряду стариковских сказок, которыми в холодные зимние вечера пожилые скальды севера потчуют увеселения ради малых детишек из своих городов и деревень.

Возле самых ворот крепости белокурую деву встретили два стражника-великана самого устрашающего вида. Ростом они были никак не меньше самых крепких и рослых зверолодей из северных областей страны, не имели на себе из одежды ничего, кроме жалких холщовых набедренных повязок, размером с парус флагманского боевого корабля, да жилистых тапок с подошвами из толстых моржовых шкур, сложенных в несколько раз для пущей величины, прочности и плотности. Зато вся поверхность тела великанов была покрыта очень густой и гладкой, перламутрово-переливчатой белой шерстью, чем-то похожей на шерстяной покров полярных медведей. Из рта великанов торчали саблями острые пики клыков, подобных моржовым, а непроницаемо чёрные зрачки глаз, утопавших в белесых ворсинках над скулами, недобро поблескивали из-под козырьков нависающих дуг бровей.

- Стой, существо, назовись! - громогласно прохрипел великан, стоявший по правую руку от путницы.

- Хельга Олафсон, племянница вождя крепости Кёнунгстед и невеста великого завоевателя и будущего владыки всех восточных земель! А что это за место и чьи это земли? - смело выкрикнула северянка, выпятив вперёд подбородок, несмотря на дикую дрожь в ногах от пронизывающего холода, ледяного ветра и страха быть раздавленной под пятой чудища.

- Хаха-ухухух! - зычно расхохотался привратник. - Теперь я знаю, зачем ты здесь, раз ты - Хельга Олафсон, весь город уже давно знает, ухухуху-ахахах-гхаырррх! Ты в снежных землях инеистых властителей - Йотунов, в стране Йотунхейме, а эта неприступная крепость — наша столица Утгард. Не смею больше задерживать тебя, человеческое создание, а то ещё околеешь от нашей всеми любимой свежей прохлады, шкуры-то у тебя, почитай, вовсе нет, кроме жалкой тряпицы, в которую ты тщетно кутаешься. - с этими словами великан как-то слишком уж картинно оскалился и поклонился Хельге, а затем, что есть силы, дёрнул за чугунное двухметровое в диаметре кольцо, висевшее на воротах. Створки издали просто непередаваемо ужасающий скрип, больше похожий на истошный вопль неведомого приполярного монстра, загрызаемого другим неведомым приполярным монстром, переходящий в долгий и протяжный скрежещущий вой.

Было видно, что, если эти ворота когда-то и открывались, то очень и очень, просто невероятно и уж совершенно крайне редко. На улицах Утгарда земля сотрясалась от громоподобных шагов проходящих мимо йотунов, а стены замшелых каменных домов смыкались арками где-то очень далеко вверху. Под желтоватыми отблесками мутных окон коптели масляные лампы, сделанные из выточенных изнутри бивней мамонтов, а по скользкой мостовой, веками выглаженной пятками городских многосотлетних долгожителей, почти невозможно было пройти так, чтобы не подскользнуться через каждые пять-десять метров. Не зная, где в этом городе найти убежище от холода, дабы хоть немного прояснить обстановку, Хельга обратилась с таким вопросом к первому встречному йотуну, на что получила ответ:

- Беги, козявочка, беги к самому высокому из тех домов, что пред собою видишь? Не ошибёшься тогда уж!

Девушка решила последовать совету и направилась к шпилям грубо отёсанного и украшенного странными письменами и крючковатыми рисунками замка, возвышавшегося в самом центре Утгарда надо всеми остальными зданиями. Тяжеленные деревянные двери замка были плотно закрыты, зато щель под дверью была как раз подходящей величины, чтобы можно было пролезть человеку, лишь совсем чуть-чуть подтянув живот. По другую сторону от двери было очень тепло, даже душно, и Хельга позволила себе немного расслабиться, сокрывшись в тени небольшого алькова, располагавшегося прямо по левую сторону от двери.

В помещении, где она оказалась, было мрачно, а на стенах плясали всполохи от таких же, как и снаружи, коптившихся бивневых ламп и трёхметрового в высоту камина располагавшегося у противоположной стены на расстоянии примерно пятидесяти или шестидесяти метров от алькова. Лишь

под потолком располагались туннели окошек, прорубленных сквозь скалистые стены замка, причём окошки эти совсем не давали света и были малы даже по человеческим меркам, так что инеистым великанам они служили, наверное, обычной вытяжкой, не позволявшей духоте скапливаться под сводами прокопчённых потолков, но и не дававшей сквознякам врываться в чертоги замка и спокойно разгуливать по комнатам и коридорам.

В зале было шумно, и в копчёной кольшущейся полутьме мелькали силуэты йотунов, восседавших за деревянным столом, ломившимся от многочисленных яств и имевшим размеры с три жилых дома в Кёнунгстеде. Откуда всё это разнообразие взялось в Йотунхейме, земля которого родила только лёд, камни да моржей — оставалось поразительной загадкой, не имевшей для горе-путешественницы никакого разумного ответа. Великаны явно были навеселе, покачиваясь во все возможные стороны своими троллистыми глыбами тел. Вдруг, они все встали, подняли со стола десятилитровые кружки, полные какого-то хмельного напитка и раскатисто затагнули голосами, похожими на горный обвал, залихватски-весёлую, почти что разбойничью песню, с той лишь разницей, что от звука йотунских напевов человеческие уши готовы были выпрыгнуть из головы:

Король Утгард-Локи наш вёдрами пьёт,
А после всё ходит назад и вперёд.
Как только медведи добудут нам мёд,
Так йотунов вновь путешествие ждёт!
Он крепче сражений и рудных пород,
И глотку, как жерло вулкана, дерёт!
Кузнец топоры неустанно куёт,
Лишь только испробует йотунский мёд!
Покажет он жизнь нам, но наоборот.
Он дух до Вальхаллы высот вознесёт.
За миг нам почудится прожитый год!
Добротный так действует йотунский мёд!
Отколь его воин пред битвою пьёт,
Врагов без оружия в клочья порвёт!
Мы будем готовы к любой из невзгод,
Покуда в бочонках есть йотунский мёд!
Расслабься, уйди от извечных забот,
Залей хмель священный в иссохшийся рот,
Тебя среди шахт под землёю найдёт
Напиток, добытый из ульев и сот.
Гриб красный и крапчатый каждый сорвёт,
Сварить чтоб на нём пробирающий мёд!
Пусть всякий узнает — и с этим живёт,
Что мёд без гриба будет вовсе не тот!
А если к нам гость с доброй волей придёт,
Пред ним мы раскроем все створки ворот,
Пускай, вместе с нами, в свой водоворот

Его заберёт славный йотунский мёд!

Закончив петь, великаны принялись неустанно и рьяно отплясывать, расплёскивая медовуху из своих дубовых кружек в разные по всему залу и качаясь, как во время крепкого морского шторма. От топота их танцующих пяток по всему залу стоял просто невообразимый грохот. Хельга забилась в угол у дальней стены, возле которой стояла, и закрыла свои небольшие уши ладонями, дабы не оглохнуть. У йотунов, наоборот, уши были очень даже большими и мохнатыми, каждое ухо размером с крупное блюдо или небольшой тазик, и грохот, похоже, никак не мешал гигантам задушевно веселиться. Прошло, наверное, никак не меньше получаса, прежде чем девушку заметил один из великанов. Надобно сказать, что он был самым громадным из присутствующих, походил на ходячую гряду камней в своём росте превосходил любого йотуна никак не меньше, чем на две головы, а его одеяния резко отличались от простых и грубых одежд других великанов неожиданной роскошью и изяществом завитых многоцветных узоров и продетых через всё длиннополое одеяние золотых и серебряных нитей. Подойдя к девушке, великан осклабился и хохотнул:

- А вот и Хельга пожаловала к нам на огонёк!

С этими словами великан взял её одной рукой за талию и аккуратно поставил на самый центр стола, предварительно подняв на совершенно головокружительную высоту, почти под самый потолок зала, своды которого были выше шпилей башен некоторых владельцев замков народа северных воителей.

- Какая миленькая маленькая человеческая девочка! - утробно хохотнул один из йотунов, и другие тоже расхохотались, затопали и захлопали в ладоши. Но великан, поставивший её на стол, лишь поднял ладонь, и все окружавшие почти мгновенно утихли так, что воцарилась оглушительная тишина, как в склепе, даже шороха мышей не было слышно, лишь где-то далеко-далеко вверху в маленьких квадратах вытяжных окошечек едва уловимо для человеческого уха гулял промёрзший и промозглый ветер инеистых долин, дувший со льдистого моря.

- Откуда вам всем здесь известно моё имя? Зачем я здесь, в вашей стране? Я ничего не понимаю и замерзла, не знаю, как точно сюда попала, кажется, обходила вокруг огромного дуба — и вот очутилась здесь! Скажите, как мне добраться домой! - взмолилась Хельга в полном смятении.

- Не бойся, человеческое дитя! Мы не причиним тебе никакого вреда, однако же и не отпустим тебя отсюда, пока ты не пройдёшь наши испытания и не сможешь назваться сестрой народа йотунов, пока не поймёшь, какова на вкус жизнь в Йотунхейме, да и жизнь во всех отражениях вообще! - ответил самый крупный, и, видимо, как логически умозаключила девушка, самый главный из великанов, а тот продолжал. - Я — Утгард-Локи, бессменный правитель Утгарда и вечный владыка всех земель инеистых великанов. За тысячи лет жизни и властвования мне довелось побывать во всех краях света и на каждой из граней существования, точно так же, как на каждой из этих граней побывали властители любой сферы и любого из миров! И если ты так до сих пор и не

поняла, зачем мы тебя позвали праздновать с нами вместе, то скоро узнаешь, скоро ты станешь одной из нас, имей терпение, человеческое создание!

- Но я не хочу быть одной из вас, меня и собственная внешность очень даже устраивает! - возмутилась девушка такой перспективе.

- Хахаха! Глупая! Тебе никогда не обрести внешность сынов и дев Йотунхейма! Никогда, ты слышишь меня, хилая дочь человечешек! Я говорю лишь о том, что творится в твоей крошечной белесой голове, если в ней вообще хоть что-то способно твориться, ухухухухохохо! - с этими словами пьяный от медовухи король так шибко расщатался от хохота, что повалился с ног и, как есть, сел прямо на пол у стола, попутно раздавив пару-тройку случайно пробежавших мимо полосатых кошек. - Ух, ты ж меня как развеселила, а! Это ж надо такое придумать — человеку стать йотуном!...

Так воооот, я не договорил. За долгие, очень долгие годы странствий, я понял, что каждый из владык своего мира — это на самом деле всего один-единственный Владыка, и когда-то он, действительно, был таким, рождённый недвижимым сиянием Полярной звезды. Но потом в едином существовании природа породила людей-воришек, каждый из которых украл у Владыки кусочек его разума. Дабы не стать окончательно безумным, Владыка с Полярной звезды создал в своём лучистом свете образ Великого Древа Иггдрасиль — и заключил в прочности целостности ветвей и корней остатки собственного Разума и разумы каждого из людей, а, возрастая, Древо растит и рассудок во всякой из проекций.

Хранителем же Властитель назначил, порождённого из части себя самого, межзвёздного змея Ёрмунганда, владеющего переменчивым обличем и характером, в зависимости от того, кто, как и с какими целями является к змею под сень Иггдрасиля. Когда-нибудь Древо вырастит настолько, что остаток разума Владыки, от которого люди украли значимый кусок, обретёт прежний объём и размер, и тогда, обратившись заново в звёздный свет, Владыка обретёт свободу и вернёт Мировое Древо лишь в вероятность своего собственного существования. Так, человечество, развивая свой разум и приумножая знания о жизни и Вселенной, растят Великий Ясень, приближая с каждой незримой крупницей его роста, момент Рагнарёка во всех отражениях существования.

Изначально же не задумано было создавать никаких отражений. Но звёздный свет, преломившись в Древе, как солнце преломляется в мерцании переливов высокогорных самоцветов, радугой расщепил единство заключённого в Иггдрасиле сознания на множество частей, каждая из которых была безумна в мере не меньшей, чем безумна крупница, украденная каждым из людей.

Тогда, опасаясь непредвиденных и непреднамеренных случайных последствий для обустройства Реальности, Властитель, уже ставший Ясенем, заглянул глубоко вовнутрь себя, отыскав в каждом луче радуги Иггдрасиля срединный центр, возле и вдоль которого этот луч ускользал в бесконечность, научив каждый из центров спать и видеть красивые сны, приходящиеся по душе любому из лучей, и явившиеся отражениями их наиболее глубинной, первоизданной сути. Таким способом была проведена грань между действительностью и непрекращающимся сновидением существ, обитающих в

бликах осколков Древа.

Как человек порою засыпает на годы от странной хвори, в после просыпается и живёт, будто и не спал, так и Властитель мира, захворавший человечеством, разделившись, уснул на миллионы лет, отстранившись и уйдя в мир грёз из целостной действительности всеохватной взаимосвязанности. Но, ведь непременно, рано или поздно он проснётся — и тогда Вселенная вновь обретёт здоровье и единение. Как крапчатый гриб с красной шляпкой, из которого мы варим наш мёд, чтобы видеть действительное положение вещей, произрастает из грибницы, пронизывающей половину леса, так вот и расщеплённые лучи рассудка Иггдрасиля, имеющие источником свет Полярной звезды, скатались нитями, пронизывающими вовнутрь свои собственные миры, собравшись в собственных центрах бессмертными королями, каждый из которых существует только в силу самоотражения того пространства в котором живёт, из этого же пространства состоит, и его же порождает своим собственным сновидением.

А правда в том, что, на самом деле, Король только один — и он — звёздный свет, поэтому все мы — лишь его формы и облики под разными углами, и все мы — отражения друг друга, каждый — в каждом, поэтому все мои братья-короли — это только я сам и есть, что даёт нам всем возможность ходить по гостям в сны любого из нас и находиться, лишь если только пожелаем того сами, одновременно в любом из наших сновидений — хоть даже во всех сразу одновременно. По сути своей, вы все здесь — мои подданные, и вы существуете только потому, что снитесь мне, но даже холодная и заснеженная страна наша, как и я сам, король Йотунхейма Утгард-Локи, есть тоже лишь оттого, что снюсь сам себе, мир же вокруг именно таков, каков проявлен здесь, ибо моё призвание и предрасположенность в том, чтобы видеть его таким, а призвания и предрасположенности моих братьев, которых нет, как нет и меня самого — созерцать сновидения совершенно иного рода.

А теперь я и мои подданные должны убедиться, что ты достаточно и сильна и достойна того, чтобы осознать и рассмотреть игристые отливы драгоценных построек Асгарда — лучшего из снов, лицезримых лучшим из моих братьев. Я бывал в Асгарде много раз — и никогда не переставал и не уставал удивляться тем бесконечным красоте и гармонии, что величаво царят там. Не каждый из людей, поселенцев Мидгарда, и уж тем более, очень редкий из йотунов, способны побывать в этой стране. Раздели же трапезу с нами — и тогда мы, йотуны из Йотунхейма, сумеем понять, способна ли ты воспарить ко дворцам страны асов.

Перед Хельгой поставили столько разных яств, сколько та никогда и не видела за свою жизнь — их ярчайшее многообразие было велико в своей неисчислимости, а что же до количества, то его бы не одолело и десять таких, как Хельга, жительниц северных земель. Были здесь и искусно приготовленные кабаньи окорока под соусом, и птицы-дичь, оформленные многообразными и разноцветными травами и приправами так, что казалось, будто эти птицы живые и вот-вот вознесутся в лазурную высь, лишь едва взмахнув крыльями. Присутствовали и какие-то жирно-наваристые супы с зеленью, равно как и никогда ранее не виданные девушкой тропические фрукты, о существовании и

вкусе которых она, проживая на своей северной земле и не зная за короткое лето ничего, кроме редких лесных ягод, даже не могла догадываться.

И, конечно же, перед ней поставили многолитровый бочонок мёда йотунов, источавшего сладковато-грибной аромат леса и пчёл, едва заметно пузырившегося, продолжая бродить даже за миг до того, как быть выпитым. Девушка после прогулки сначала просто на свежем воздухе, а затем — на очень свежем, надобно было заметить, изрядно проголодалась — и теперь жадно накинулась на еду, да и медовуха могла помочь прогреть тело и дух и не позволить ей расхвораться.

Когда уже был поглощён неожиданно большой объём пищи и выпито никак не меньше литра йотунского мёда, Хельга позволила себе сыто и спокойно откинуться на казавшуюся практически бесконечно уходящей в высоту спинку поставленного специально ради неё стула, имевшего масштабы крупного стола. Её уже не волновало, как она здесь оказалась, как будет возвращаться обратно, что она здесь делает, кто она такая — да и вообще ничего не волновало. Цвет тусклых светильников показался удивительно ярким и насыщенным масляно-оранжевыми переливами оттенков, точно на поверхности стола то там, то сям начинали моментально прорастать шапки раскидистых, почти южных, полевых цветов разной степени зрелости. На цветы садились титанических масштабов жужжащие пчёлы и собирали мёд. Девушка видела пчёл во всех мельчайших подробностях, точно они специально для неё увеличивались до размеров небольшой собаки. Кружась над столом, пчёлы поднимались, запутывались в шерсти йотунов, залезали к ним в уши и в ноздри, а те, ничего не замечая, продолжали веселиться, раскатисто рассказывать разные шутки-прибаутки, есть и плясать.

Окружающая действительность как-то странно расплывалась, искажалась, точно бы под водой, стены королевского пиршественного зала оказались удивительно, просто невероятно талантливо расписанным произведением искусства, выполненным с такой степенью мастерства и изящества, какое Хельге не доводилось наблюдать за все восемнадцать лет её жизни — сплошь исписанные светящимися синевато-фиолетовым блеском, сворачивавшимся в тончайшие узоры, стены таинственно отливали и мерцали слюдяным холодным свечением кристаллических горных самоцветов от самого потолка и до пола. Вдруг кто-то положил ей руку на плечо. Северянка обернулась — и увидела, как перед ней в богатом королевском одеянии стоит её жених. Она бросилась к нему в объятия:

- Рёрик, как ты здесь оказался? Эти жуткие великаны поймали и пленили тебя? Но...у тебя такие богатые одежды, и ты здесь, никуда не убегаешь... - белокурая красавица растерянно вертела головой и ворочала окосевшими от хмеля глазами, пока стены, потолок, пол и всё убранство комнаты меняли цвет, размеры и форму, перетекая друг в друга в направлениях каждого поворота её покрасневших от медовухи глаз.

- Неужели ты так до сих пор и не поняла! Я, Рёрик, и есть король Йотунхейма Утгард-Локи, и способен принимать любой облик, в зависимости от собственного желания! Не забывай — всё, что ты видишь здесь — лишь мой собственный сон, даже ты. - Рёрик улыбнулся и тоже приобнял Хельгу. -

Посмотри внимательно на поверхность стула, на котором ты сидишь. Что ты видишь?

Хельга, выпучив глаза, беспрекословно повиновалась Рёрику, и стала пристально разглядывать деревяшку у себя под попой. Через несколько секунд она заметила, что по дереву, как по поверхности океана, катят медленные густые волны, а ещё через несколько секунд по волнам поплыли льдины, на которых начали шевелиться и размахивать хвостами, клыками и лапами, совсем уж маленькие, размером с майского жука, тюлени и моржи, а по берегу, к которому направлялись волны, принялись расхаживать белые медведи, размером не больше писклявых молодых мышат.

- Осмотрись вокруг! - властно раздался со всех сторон одновременно голос Рёрика. - Это Мидгард, твой родной мир, мир людей, и у него тоже есть свой собственный сновидец.

Девушка посмотрела в разные стороны. На этот раз она ощутила себя удивительно лёгкой и трезвой — в голове не осталось и тени опьянения. Она висела в воздухе на высоте нескольких сот метров где-то над кромкой моря, уходившего вдаль случайными льдинами, айсбергами и плавающими лодками рыбаков. Внизу и впрямь гуляли моржи и белые медведи, а за спиной висел в воздухе её жених, за женихом же простирался прекрасный горный пейзаж родной страны, курившийся где-то возле самого горизонта далёким дымчатым вулканом.

- По пути в Асгард я, пожалуй, самую малость, посвящу тебя в свои планы. Все сны моих братьев, все сны среди моих собственных — и прошлые, и будущие, все они собраны здесь и сейчас. Я видел, что если йотуны привнесут наследие своих снов в Мидгард, во владения речных дикарей востока, то, спустя тысячу мидгардских лет, раскинутся их угодья от западного моря и до восточного, от северного и до южного, и меж этими краями срединной земли, взрастёт один сплошной обширный Йотунхейм. - с этими словами Рёрик щёлкнул пальцами, и они с Хельгой моментально перенеслись на невероятную, просто головокружительную высоту.

Над головой всплыла жидко-жемчужная луна и вспыхнули мириады ослепительных созвездий, тогда как снизу, от края и до края, утопая в синеватой дымке, поплыли земли Мидгарда. С такой высоты как раз видны были моря и горы, далёкие пески неведомых жарких стран юга, имеющих неповторимую атмосферу культуры и жизненного уклада, и непроходимые ослепительные северные льды, обширные воды на западе и, зеленевшие тёмными чащами и изгибами рек, земли на востоке - всё то, что Хельга мечтала увидеть ещё, будто бы вечность назад, стоя на вершине горы у корней Иггдрасиля. - Я покажу тебе будущие сны, которые узрят люди Мидгарда. - воитель взял за руку свою невесту, и они вместе понеслись на восток, в место где северное море сливается с широким устьем реки, знаменующей начало земель восточных варваров. Именно сюда, насколько было известно Хельге, торговцы из страны вечных льдов и гор направляли свои корабли, доверху гружёные разнообразным скарбом, столь высоко ценящимся у жителей речных городов.

Но когда путешественники спустились достаточно близко к поверхности земли, чтобы рассмотреть ландшафт, Хельга была поражена многообразием и

странной формой кишачих кораблей на глади волн моря, чугунных повозок, дымящихся торчащими трубками где-то на поверхности дорог, и оглушительным свистом проносящихся в воздухе стальных драконов. Дочь северных земель и властитель йотунов спустились куда-то к самой плоскости земли, и девушка смогла рассмотреть невероятные толпы народа - странных чужеземцев в необычайных экзотических одеяниях, говоривших на неизвестных ей языках.

Вдоль лестниц, поднимавшихся к расписному светлому дворцу, росли высоченные ели и были установлены статуи чистого золота неизвестных ей мужей, рядом с которыми на много метров правильными формами потоков в высоту вырывались струи искусственных гейзеров. Под лестницами же противоестественными узорами разрастались поляны разнотравья и раскидистых бутонов, а сразу за гейзерами узкая прокопанная траншея уходила прямо в северное море в окружении зеленевшего листьями лесов, пересекаясь в нескольких местах тонкими каменными мостами, по которым то и дело сновали туда-сюда все эти мифические чужеземцы. Были среди них люди, чьи тонкие и низкорослые тела имели оттенок морского песка, а на плоских лицах едва намечались узкие прорезы глаз, тогда как волосы их были чернее самой тёмной сажки. А были и такие, чья кожа обретала такой же чёрный, сажистого, цвета - разнообразных всевозможных насыщенных полутонов, точно бы у пересушенных сухариков из пригорелых лепешек, какие, порою, получались у не слишком-то гораздой на кулинарные изыски матушки Хельги. Хотя в большинстве своём, люди всё же были похожи на Хельгу и на Рёрика, но немало было таких, каковых раньше северной деве наблюдать никогда в жизни не приходилось.

- Тебя отделяет от родного дома больше тысячи лет снов Мидгарда, и отсюда начинается, прорастая в необъятную даль на восток, моё собственное сновидение в срединном мире — Йотунхейм. Полетели дальше! - и воитель продолжил своё движение полёта вместе со своей белокурой подругой.

Воздух вокруг вдруг распался на кристаллы, точно бы представшие глазу картины были мозаиками из ожерелий драгоценных камней. Они настолько ярко сияли и сыпали искрами, что девушка попыталась закрыть глаза и поняла в этот самый момент - это совершенно бесполезно. Вне зависимости от того, держала ли она глаза открытыми или закрытыми, вокруг ничего не менялось. Перед ней мгновенно возрастали и опадали шпили прозрачных башен, спускались в глубинные дали под ногами крутящиеся обсерватории и распускались где-то почти среди облаков бутоны улиц и мостовых, реки сменялись потоками радуг, и Хельга осознала тогда, что может стать здесь кем угодно — если только пожелает. Хоть насекомым, хоть растением, хоть женщиной, хоть мужчиной, отправиться в любое время и принять любое обличье.

Девушка тогда радостно рассмеялась: «Да! Конечно! Если таков Асгард — царство блеска и радости, безграничного познания и света, пляски колышущихся узоров и драгоценных росписей шпилей и замков, то моё предназначение здесь — это быть не Хельгой, а вековым всесозерцателем Хеймдалем! Я — Хеймдаль, Хеймдаль, Хеймдааааль!» Неожиданно, она

заметила, что проходящие мимо жители Асгарда не только не похожи здесь друг на друга, но и вообще имеют мало общего с человеческими существами, даже весьма отдалённо. В этот самый момент, сквозь брызги переливчатых колебаний, северянка увидела, что её жених старается ей что-то сообщить. Он шевелил губами, но она не слышала слов, только лишь поняла примерный смысл: «Вот кристалл розового горного стекла. Возьми его в доказательство нашего путешествия. Если захочешь поговорить со мной, захочешь, чтобы я пришёл, пристально посмотри в глубины самоцвета — и я явлюсь тогда пред тобой!» Рёрик с этими словами разжал ладонь и передал девушке поблёскивающий гранями кварцевый кристалл. В этот самый момент, каждое в мире слилось воедино, и Хельгу окончательно унесло в пучину водоворота красок, колебаний, проекций и цветастых всплесков измерений. А затем всё вокруг стало неотличимо от всего, слившись в единое чувство меж зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом — и пониманием.

Спустя неизмеримый никакими внутренними часами, просто переставшими существовать, отрезок времени, Хельга очнулась на вершине горы. Её одежда была изрядно испачкана, потрёпана и разорвана в нескольких местах, а над головой уж сияли блёстками пиритовых вкраплений разноцветные свечи полуночных небесных светил. Рядом не оказалось никакого Великого Древа — все деревья были совершенно обычными и ничем не примечательными. Сердце в груди дико стучало и, постепенно, точно мягкой кошачьей поступью, начинала разболеваться голова, в которой стоял дымно-радужный туман, пока желудок бунтовал и сокращался в устремлении вытолкнуть обратно смешавшиеся остатки предыдущей трапезы. «Какой чудесный мне сон привиделся, и отчего бы вдруг?», - подумала восемнадцатилетняя северянка, с трудом приподнимаясь и садясь на землю.

Тогда только она почувствовала, что прочно и плотно сжимает в руке что-то твёрдое, ребристое, гладкое и прохладное. Разжав затёкшую ладонь, Хельга увидела кристалл розового кварца, отражающий тускло-белесый лунно-звёздный свет небес, раскинувшихся над чёрными кронами лесных деревьев.

Спустя ещё два года, в год 862 по летоисчислению Мидгарда, её муж, воевода Рёрик, собрав небольшое войско и захватив с собой в подмогу двух верных крепких воевод, Синеуса и Трувора, отправился на покорение восточных земель. Но это, знаете ли, уже совсем-совсем другая история...

*Белоусов Роман,
23 февраля 2015 года.*